

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.2

О природе символической объективации: характер конституирования онтологии в познании

© В. В. Ильин

Российский государственный аграрный
университет – МСХА им. К. А. Тимирязева
Россия, 127550 г. Москва, ул. Тимирязевская, 49.

Тел.: +7 (499) 976 36 92.

Email: vvilin@yandex.ru

Статья посвящена проблеме социальной легитимации знания. Исследуются контексты имплантации продуктов познания в тело культуры. Автор исходит из необходимости исследования процесса символической объективации объекта посредством применения категории «фация», введение и обоснование которой на содержательном и формальном уровне реализовано им же в предыдущих работах. В статье обсуждаются такие вопросы, как основные этапы объективации когний, возможные миры в науке в тренде разворачивания когний, основные принципы предметно-символической трактовки природы знания. Автор исследует эти вопросы на основе анализа основных гносеологических тенденций, прослеживающихся в работах крупнейших философов как Нового времени, так и современности, глобализируя принципы системного подхода на основе их синтеза с элементами синергетики и семиотики. Большое место автор уделяет критике кантовского трансцендентального априоризма, раскрывая, однако, его позитивный потенциал и определяя его перспективный вектор, бьющий буквально в суть современной когнитивистики. В орбиту своей оригинальной методологии автор увлекает не только выводы естествознания и математики, но и поэтические прозрения, что позволяет сформировать пульсирующий и в тоже время вполне определённый междисциплинарный контекст. Основные выводы относительно содержания предпосылок когнитивного синтеза включены в заключительный пункт статьи и сопровождаются убедительными примерами из современной физики.

Ключевые слова: гипотезы существования, формы мышления, проблема демаркации, когнитивный синтез, трансцендентальный идеализм, априоризм, фация, символизм, автоморфизм, релятивистская механика.

Введение

Символическая объективация – конституирование предметных параметров мира (задание существования – развертывание онтологии) – многопрофильна. Характеристика символической объективации здесь будет реализована на основе категории «фация», введённой в контекст современной философии [1, с. 29–31].

Отметим прежде всего, что современный уровень трактовки темы, в общем, исключает представление непосредственного «субъект–объектного» взаимодействия. Обобщенная, вдумчивая оценка опыта познания диктует необходимость комбинировать представлением «субъект – фация – объект» (в символической записи: S – F – O). Функциональная нагрузка фации как связующе–опосредствующей инстанции соотношения S с O гносеологически принципиальна. Изначально она дисквалифицирует подходы как трансцендентализма (внеисторическое, асоциальное, транскультурное активное самозаявление «Я»), так и наивного

реализма (соответственное внеэпохальное пассивное присутствие «Я», отштамповывающего отстраненную определенность объекта). Для первого случая избыточен SR, для второго – SF: либо субъект творит объект, либо объект подменяет субъекта.

Вкрапление в S – O связь параметра F привносит в гносеологию момент кондициональности, обязывая тематизировать искание и обретение не безусловным субъектом безусловной истины; – оно обязывает тематизировать действия культурно–исторически данного познавателя, через социальные формы мышления устанавливающего достаточно условную истину, где условность очерчивается кругом потенций, разрешающих возможностей фаций.

Как утверждалось, картина онтологизации знания многопрофильна, полифундаментальна.

Первый рубеж объективации когний совпадает с активацией допущений базисной теории (BT), вводящей идейно–смысловую канву мировидения. В математике роль BT играют довольно формальные системы – аксиоматики теории множеств типа систем Рассела – Уайтхеда (PM), Цермело (Z), Цермело – Френкеля (ZF), Гёделя – Бернаиса – Неймана (GBN) и т.п. Совмещение с «формальным каркасом» предметно–специфицированных рассуждений (систем, специальных аксиоматик) влечет развертывание математических теорий (теория вероятностей – теория очередей; алгебра – теория групп – теория полугрупп). В естествознании на роль BT претендуют хроногеометрические разработки–сопровождения в лице метрики и топологии. В обществознании роль BT играет социальная хроногеометрия в конкретизации теорий гео- и хронополитики как учений о социальном пространственно–временном многообразии, концептуализируемом доктриной социальных циклов, ритмов, пропорций, фаз [2].

Второй рубеж объективации когний – проекция SF на картину мира с задействованием субстантивных постулатов, транзитивных определений. Одни наделяют абстракции некими свойствами действительности (реификация, атрибуция, предикация, интерпретация) – истолкование поведения материальных точек как инерциальных систем (гипостазирование «инерции»), обладающих дальностью действия. Другие проводят идентификацию абстракций с аутентичными признаками действительности – истолкование «массы» как «количества материи» (сравните с принципом Маха в ОТО).

Третий рубеж объективации когний – эмпирическая интерпретация, верификация, операционализация абстракций в русле теорий, – установление действительности (натуральности) предсказываемых или (виртуальных) эффектов в опыте (экспериментальное обнаружение искривления лучей света, изменения траекторий движущихся тел вблизи тяготеющих масс – по выкладкам ОТО). На этой стадии идет интенсивная проблематизация предпосылок существования для сущностей, введенных по «логическому основанию» согласно правилам синтаксической (абстрактной) дедикации.

Последняя крепится на оправдательном ряду: существующее возможно; возможное непротиворечиво; непротиворечивое потенциально возможно, т.е. в принципе объективируемо. В данном ключе перспектива существования высвечивается законом непротиворечия, вводящим капитальные условия существования. Но возможное и действительное существование не эквивалентны. Понимание этого навлекает серьезную критику генерального принципа свертывания, допускающего бытие множеств по свойствам.

Мораль проста и тяжела: возможно ли по допускаемому свойству задавать множество? Здравый смысл противопозитивных не поставляет: некое свойство P объектов определяет множество μ объектов, удовлетворяющих P. Однако антиномия Рассела дезавуирует такой ход. Как быть? Проблематизировать либо «свойство» (P), либо допускаемое на его основе

множество (μ). Но это в свою очередь плодит новые проблемы, связанные с уточнением статуса вводимых «свойств» и по свойствам «множеств»; – к примеру, все ли свойства определяют множества, когда «да»; когда «нет» и по какой причине. И самое главное – как быть с традиционной мыслительной техникой? В отсутствии точных рецептов и явного понимания, как снимать парадоксы типа антиномии Рассела, возможно полагаться в математике на аксиоматизацию; в естествознании и обществознании – на проецирование абстрактных конструкций на SR через опытную идентификацию.

Помимо аксиоматизации и «внешнего оправдания» апеллируют к критериям «внутреннего совершенства», не приветствующих эксплуатацию фикций. Эйнштейн провел ревизию классической механики под углом зрения выдворения абсолютных систем отсчета. Однако в релятивистской механике (СТО) взамен субстанциальных «пространства» и «времени» фигурирует «атавизм» – эссенциальный «пространственно-временной интервал». Дикке ставит вопрос, «как, вводя в уравнение вторую полевую величину (скалярное поле – В. И.), можно видоизменить теорию Эйнштейна, чтобы избавиться от абсолютного характера пространства – времени...» [3, с. 251–252].

Вариант аксиоматизации и «внешнего оправдания» своего рода методологическая (метанаучная) панацея, к которой наука реальных исканий стремится как к асимптоте. Личностную ситуацию поиска отличает по большей части вариант, квалифицируемый как «внутреннее совершенство», версифицирующий интуитивно более предпочтительные исходы. Тот же Дикке ангажирован регулятивом «недопущение абсолютов» (с чем ранее боролся Эйнштейн), хотя бы ценой внедрения виртуальных комплексов (что с позиций неэмпирических и экстралогических показателей научности является поведением не лучшего тона). Нечто сходное – по части пересекающегося с принципом свертывания задания существования согласно формуле «быть – быть значением понятия». От вводимого языком «потенциального (идеального) существования» – по сугубому искушению – посредством скачка в трансцендентное допускается реальное существование получаемого на «кончике пера» – гравитон, резонансы и т.п. (схоласты-реалисты приписывали натуральное существование логически корректно полученным абстракциям, хотя «существование» – не предикат понятия). Отсюда – выход к идее виртуальности.

Возможные миры в науке и поэзии

Между тем в науке (строгом знании) существование объектов должно задаваться так, чтобы решались проблемы их а) реальности; в) принадлежности фиксированным предметным группам (критерий существования). Традиционная логика в данных целях руководствуется принципом свертывания, не избавляющим, к несчастью, от головолomных проблем. Они усугубляются при экстраполяции духа трансцендирования на потенциальные объекты рассмотрения, лежащие в фокусе нетрадиционной (модальной) логики. Суть в том, что отношения, расцениваемые как действительные по принципу свертывания, не являются единственно возможными. К примеру, взять «возможного толстого человека в дверном проеме и возможного высокого человека в том же дверном проеме. Являются ли они одним и тем же возможным человеком или двумя возможными людьми? Каким образом мы это решаем? Как много возможных людей в данном дверном проеме? Больше в нем толстых, чем тонких?»; «какой смысл можно вообще вложить в разговор об объектах, если относительно них мы не можем решить проблему сходства и различия?» [4, р. 23–24].

Понятие «возможных миров», возможных объектов, вводимое по принципу свертывания и выказывающее добропорядочность в поэзии, порождает сложности в науке. Сложности, связанные с неразрешимостью вышеуказанного критерия существования. Если науку ограничивать контуром лишь «действительного» (актуализм) и делать предметом рассмотрения его объективирование, за бортом окажется значительный массив рассуждений. Если в науку вводить «возможное», возникают парадоксы.

В поэзии (художественном опыте) пределов эйдологии не находится. В науке они находятся. Пределом языкового (синтаксического, дедикативного) конструирования мира посредством расширения универсума эйдосов введением объективных носителей φ и их классов по правилу $\{x/\varphi(x)\}$ – является способность решения вопроса их подлинности (реальности). (В противном случае – утопизм, беллетризм, химеризм мысли, допустимый в поэзии, но недопустимый в науке).

Рассуждение достигло пункта констатации некоего предела производства объектов мысли за счет «конструирования понятий». Действительно, в отсутствии формального предела наращивания мыслительного массива вследствие дедикативных экзерциций ума реальный предел всех и всяческих упражнений (в том числе пустопорожних) задает требование онтологической идентифицируемости: непроецируемое на мир (в математике – не интерпретируемое) – химерично. Откуда в числе прочего вытекает, казалось бы, бесспорное: прогресс знания связан с повышением вероятности испытываемых абстрактных конструкций (гипотез – Н) в ходе их опробования на соответствие SR. Между тем такой вердикт (выведенный некогда Карнапом) в корне расходится с практикой вершения судеб знания, где подлинный прогресс индицируется не возрастанием вероятности испытываемых Н относительно тезауруса, а увеличением их информационной емкости, или прямо противоположным эффектом, – увеличением рисковости, а значит, уменьшением вероятности Н относительно тезауруса (уточнение Поппера) [5, p. 217–218].

Итак, «в воде и мраке не тонуть» $H(SF)$ не позволяет SR. Однако высокая сбалансированность Н с SR означает неумолимую тривиализацию Н, а заодно – дискредитацию всего «виртуального резерва». Как быть? Ревизия потенциалов ситуации наводит на систематизацию гносеологически рефлексивных ходов.

1. Гиперболизация SR + гиперболизация SF – вырожденный случай.
2. Редукция SR + редукция SF – вырожденный случай.
3. Гиперболизация SR + редукция SF – гносеологически тривиальный проект «зеркального запечатления» – всесторонне раскритикованная линия наивного реализма.
4. Редукция SR + гиперболизация SF – интригующий случай, вбирающий версии
 - а) полная редукция SR + полная гиперболизация SF – гносеологический фикционализм, имманентная платформа: фронтальный демонтаж содержательных оснований, уподобление исканий созданию вымыслов, снятие проблемы демаркации, заявление эпистемологического анархизма, волюнтаризма (крайности скептицизма, нигилизма, релятивизма, – имманентная школа, конвенционализм, прагматизм, инструментализм, ответвления кантианства, постпозитивизма);
 - в) полная редукция SR + относительная гиперболизация SF – случай, сводимый к (а);
 - с) относительная редукция SR + полная гиперболизация SF – умеренный фикционализм кантианства, вводящего аффицирование;

d) относительная редукция SR + относительная гиперболизация SF – выше намеченный случай, тематизирующий SR через формы мышления (относительная гиперболизация SF) и одновременно настаивающий на обязательности проецирования SF на SR (относительная редукция SR) – предметно-символический конструктивизм.

Поскольку, как видно, (c) и (d) гносеологически родственны, востребуется дополнительное их видоразличение.

Трансцендентальный идеализм Им. Канта и фикционализм

Умеренный фикционализм. Квалификация «умеренный» применительно к кантианству весьма условна. На деле система трансцендентального идеализма есть фикционализм, причем достаточно решительный. Чтобы убедиться в сказанном, довольно вникнуть в трактовку автором первой «Критики» понятий «мир», «действительность», «природа», выступающих «объектом», равно как понятий «познание», «духовное освоение», «опыт», оказывающихся «субъектом».

1. «Объект конституируется различением «вещей самих по себе» и «явлений»: «явление есть то, что вовсе не находится в объекте самом по себе, а всегда встречается в его отношении к субъекту и неотделимо от представления о нем...» [6, с. 87].

2. «Субъект («познание») конституируется способом, которым «душа воздействует на себя своей собственной деятельностью» [6, с. 86]. Рычаги познавательной самоинициации души – набор синтезов (фигурный – продуктивный синтез; рассудочный – категориальный синтез созерцаний; синтез схватывания; синтез воспроизведения – репродуктивный синтез), развязывающих энергию воображения по конструированию предикатов явлений. Плод тщаний – изображение предметного содержания не вещей самих по себе, но явлений, на поверку пребывающих игрой наших представлений, определений внутренних чувств [6, с. 637].

Что же светлый мир реальности? «Предикаты явления, – разъясняет Кант, – могут приписываться самому объекту, если речь идет об отношении к нашему чувству, например, розе – красный цвет или запах; но видимость никогда не может быть приписана предмету как предикат именно потому, что в таком случае она приписывала бы объекту самому по себе то, что присуще ему только в отношениях к чувствам или вообще к субъекту, как, например, два уха, которые сначала приписывали Сатурну» [6, с. 87].

Такое кантовское разъяснение возбуждает жажду спора. Так как мысль затрагивает два сюжета, последовательно выскажемся о них.

Статус чувственности («цветность» розы). Чувственность в свете трансцендентальной модели представлена в виде интерсубъективного и субъективного ресурса. Первый – предмет трансцендентальной эстетики, где поставляемая перцептивностью (через нашу подверженность воздействию предметов на способность представления – *affisirt werden*) апостериорная материя явлений организуется упорядочивающей априорной формой. Второй – предмет эмпирической психологии, связан с явлением только контекстом случайных действий персональной организации [6, с. 713]. «Те предметы, которые мы называем внешними, – вразумляет Кант, – суть только представления нашей чувственности»; истинный коррелят их – вещь в себе «вовсе не познается и не может быть познан» [6, с. 71].

Дискредитация чувственности производится под флагом субъективизации. В первом издании «Критики чистого разума» обнаруживается: «...субъективное условие всех внешних явлений (т.е. чувственность – В. И.) нельзя сравнивать ни с каким другим условием. Прият-

ный вкус вина не принадлежит к числу объективных определений вина, следовательно, объекта, рассматриваемого даже как явление (т.е. интерсубъективно – В. И.), а принадлежит к частным свойствам чувств того субъекта, который пьет вино. Цвета не свойства тел, в созерцание которых они входят, они суть модификации чувства зрения, подвергающегося некоторому воздействию света» [6, с. 713].

Подобная трактовка совершенно определенно редактирует толкование существа первичных и вторичных качеств. Напомним, проблематика первичных и вторичных качеств навеяна различениями Альберта Великого, затем Бойля и Локка, согласно которым первичные качества – объективные свойства вещиности – протяжение, величина, фигура, движение [7, с. 155] (как будто бы не данные чувственно?!) – исследуются разумом (линия Демокрита – Галилея – Декарта – Гассенди – Гоббса); вторичные качества, не совпадающие (!) со свойствами объектов самих по себе, – субъективные ощущения – цвет, запах, звук, вкус.

Беркли синкретизировал первичные и вторичные качества и субъективизировал их. (Цвета – «одинаково кажущиеся... нет цветов... присущих внешним телам»; таковы же и первичные качества [8, с. 27, 37]). Его линию утрировал Юм и далее – посредством неоправданного противопоставления «явления» «объекту» – Кант. Трансцендентальная эстетика – доктрина синтетической формоорганизации чувственности, собственно, и обслуживает данную задачу. В ее границах вторичные качества («красное» – цветность розы) сводятся к «представлению» [6, с. 129]. (С позиций современной гносеологии, цвет есть свойство света вызывать зрительные перцепции по спектральному составу отражаемого излучения. Свет разных длин волны λ вызывает разные цветовые ощущения. Если $\lambda \approx 460$ нм, возникает (в норме) ощущение фиолетового цвета; при $\lambda \approx 470$ нм – синего; при 480 нм – голубого; при 520 нм – зеленого; при 580 нм – желтого; при 600 нм – оранжевого; при 640 нм – красного).

Вопрос: обладает ли (в действительности) объект (вещь сама по себе) данными в ощущении свойствами (перцептуально данными первичными и вторичными качествами) в трансцендентальном (от Беркли через Юма к Канту) прочтении снимается.

Пусть роза пахнет, –

Разве ощущает она свой аромат?

И соловей, – сам чувствует ли он, что он рождает

Звучаньем песни сладостной своей?

Тем более снимается он в прочтении адептов имманентной школы, вытравливающей из кантианства остатки последнего влияния на познание «мира вещей». Таково ремкеанство, в полной субъективизации субъект–объектной оппозиции провозглашавшее: познаваемое субъектом есть лишь субъективно данное [9].

Статус предизируемых признаков (приписывание Сатурну «ушков» – боковых придатков). Допустимое при конструировании «явлений» (через продуктивно–репродуктивные синтезы) недопустимо в отношении «объектов», – приписывать вещам самим по себе свойства (предикаты) означает извращать и подрывать их природу, насаждать вымыслы. Рельефное свидетельство – приписывание «двух ушков» Сатурну. О чем речь? В общем – об интерпретации (посредством предикации) чувственных данных. В частности, – о толковании визуального материала (полученного Галилеем в 1610 г.) Несовершенство аппаратуры сподвигло на допущение не колец, а двух боковых придатков с обеих сторон планеты, происхождение которых Галилей раскрыть не мог. Последнее удалось Пойгенсу, использовавшему усовершенствованный телескоп и назвавшему их кольцами (Systema Saturnium, 1659 г.)

(С современной точки зрения яркие плоские концентрические кольца вокруг Сатурна образованы множеством отражающих солнечный свет твердых тел разного размера, движущихся по круговым орбитам и не сталкивающимися друг с другом).

Промах в частном – провал в общем. Скептицизм относительно экзогенной («трансцендентной») предикации (приписывание признаков «объектам») навеян принципиальным критическим лейтмотивом: субъективно данное – субъективное (ср. ремкеанство). Язвительное, несправедливое унижение субъективного превращает прочное здание теории познания в постройку, лежащую в руинах. Выскажемся здесь лишь по поводу чувственности.

1. Величайшая заслуга физиологических, психологических, физиолого–психологических штудий чувственности заключается в обосновании ее предметно–объектного содержания. Подчеркнем: предметно–объектного. Как утверждалось ранее, отражательно перцепция соотносена с SR, и в этой своей отнесенности достаточно автономна от субъекта содержательно. Относительная независимость воспринимаемых характеристик объекта от субъективных отображений (SF) превращает узкую тропинку частного персонального опыта в столбовую дорогу общеродового познавательного прогресса: чувственностью прирастает, наращивается, повышается истинностная компонента знания. Выверенной квалификацией роли чувственности в делах человеческих (высокая родовая адаптивность – дериват содержательной адекватности чувственности) комплекс наук о человеке, познании получает обстоятельность законченной доктрины.

2. Чувственность – оселок испытания субъективных (SF) форм, но не за счет перевода их в легализующий «явление» модус интуитивного «созерцания» [6, с. 240, 534, 536], а за счет перевода их в критико–практический модус деятельности с объектами in concrete.

3. Достоинство трансцендентализма – заявление и доктринальное проведение активности форм мышления (SF), за что ратовали, но не реализовали представители диалектико–материалистической философии, толкавшие воду в ступе по поводу «умного» (методологический активизм) идеализма и «грубого» (метафизического) материализма (методологический наивный реализм). Извлекаемая из прошлого мораль (без злопыхательств) укладывается в целеориентирующие презумпции.

а) Пренебрежение, равнодушие к формам мышления в теоретической гносеологии недальновидно и неуместно; правда, столь же недальновидно и неуместно и противоположное. Адекватная тематизация активности SF должна протекать на фоне активной адресации к SR, вне которой гносеология рискует вырождаться в неосторожное оправдание выстраивания вымыслов. Перипетии фикционализма (имманентного подхода) ограждают от дискриминирования SR.

в) Трансценденталистское различие «вещи самой по себе» и «явления» гносеологически значимо, – в познании субъект имеет дело не с отрешенной «в себе» действительностью, а с действительностью «для себя», представленной оперативным модусом ее освоения, – но не всепоглощающе. Доктринальный просчет кантианства (не позволивший в итоге ему разработать проект предметного знания) – содержательное разлучение «явления» и «вещи самой по себе». Вопрос, как соотносится одно с другим, не обсуждается, подменяясь теоретически неразборчивой (буквально ad hoc) ссылкой на аффицирование (незаведомое влияние «вещи самой по себе», кладущее предел продуктивно–воображательному конструированию, на «явление»). На деле «объект» связан с конструируемым «образом объекта» («вещь сама по себе» с «явлением») генеалогически (эмпирический генезис теоретического базиса В_т); опе-

рационально (процедурное проецирование на действительность комплексов V_T усилиями операционального базиса V_0); достоверительно (верификационные, идентификационные, реификационные отображения комплексов V_T средствами эмпирического базиса V_E), за счет чего «объект» (SR) корректирует «образ объекта» (SF), последовательно санируя мысль, неуклонно изгоняя из нее химеры. Трансценденталистская модель (кантианство), где «объект» не имеет никаких обязательств перед «образом объекта», с содержательной точки зрения обреченно тривиальна.

с) Гносеологию недопустимо выстраивать как апологетическую доктрину абсолютной всеобщее-необходимой истины – *sub specie aeternitatis*. Отображательно (и конструктивно) такого рода истин попросту нет. Функционально «наша истина» обслуживает «наши предприятия», т.е. «открывает достаточную часть вселенной для наших практических и теоретических потребностей» [10, с. 177].

Дидактические презумпции от опыта прошлого позволяют наметить конструктивную предметно-символическую трактовку природы знания.

Предметно-символическая трактовка природы знания

SR – объект сам по себе – относительно перспективы знания выступает потенциальным предметом. Взятый со стороны не потенциальности, а возможности, SR осваивается субъектом как объект «для нас» через формы мышления (SF). Последние суть способ упорядочения содержательных связей, предметно-логического представления сущности объекта. Сущностное в знании легализуется мыслью (конструктивно-синтетической деятельностью, выделяющей номологически эссенциальное) под видом ментально возможного (ввиду эквивалентных описаний), тогда как существительное легализуется чувством («живым созерцанием») под видом налично действительного. Поскольку мир в знании выставляется под фирмой возможного, возникает искушение каким-то образом перебрать, скалькулировать «потенциально возможное». Так обрамляется грандиозная программа комбинаторики, озабочивающаяся исчислительным просмотром формальных (!) вариантов. Соответствующий проект предлагал Луллий. Далее – виетова идея символической алгебры. Далее – декартова идея *Mathesis Universalis*, с многочисленными приспешниками в лице Уилкинса, Дальгарно, Валлиса, Полициано, Альштеда, И. Юнга, Гленвила. Далее – лейбницева идея общей символистики, *Mathesis generalis*, а также *Ars speciosa* (симвология) в виде взаимодополнительных дедуктивно выстраиваемых исчислений, включающих (а) теорию открытия – комбинаторику; (в) теорию доказательств – аналитику (передающие характеристики вещей знаки суть символы; если ими обозначать предикаменты понятий, истин и систематизировать, получается универсальное знание в форме символического исчисления).

Невозможность всеобъемлющей символистики (синтаксического измерения истины), вбирающей всю полноту знания (семантического измерения истины), недостижимость выражения содержания познания через его форму будет показана много позже в ограничительных регулятивах Геделя и Тарского, пока же ставка делается на своеобразную семиографию.

Некоторая двойственность отличает искания Лейбница. С одной стороны, – одержимость выстраивать энциклопедичную универсальную науку – *Scientiam universalem*, использующую специальный рациональный язык (*Lingua Rationales*) и служащую устройению и приумножению знаний на благо народного счастья [11, с. 395–523]. С другой стороны, – неосо-

знаваемое тусклое предчувствие невозможности материализации задуманного, проскальзывающее в череде проблесков:

– эндогенная (внутри знания) неразличимость реального и воображаемого; критика декартовских признаков истины – «ясности», «отчетливости», которые ввиду недоуточненности востребуют оправдания (по трезвому размышлению картезианская критериология относится не к истине, а ее восприятию; фундаментальными показателями истины пребывают «непротиворечивость», «соответственность опыту»);

– доказуемое из символического (номинально определяемое) гипотетически истинно; аподиктически истинное доказывается из реального; «априорные» истины только возможны (удостоверяются логически); апостериорные истины – действительны (удостоверяются фактуально [11, с. 668]);

– актуальное демонстрирует существование; потенциальное – сущность [11, с. 124]; понимание этого обесмысливает неограниченную знаковую дедикацию, оказывающуюся пустой. Предостережение от «чистых», замкнутых на себя символических упражнений – размывание ответственности, лукавство, с какими разум через гипостазис предикатов от существующего в возможности переходит к существующему в действительности, плодя химеры. Таково ансельмовское доказательство бытия божия, где бытие высшей сущности выводится из идеи бытия все совершенной сущности (полнота совершенств возможной высшей сущности включает действительное существование). Критика линии Ансельма, заявленная бенедиктинцем Гаунило (XI в.), воспроизведенная Фомой, а затем и Кантом, базируется на тезисе: существование – не предикат понятия. У Лейбница она оконтуривается соображением: существование обоснуется а posteriori. Когерентность – самобалансированность дедикативно-символических систем – не гарантирует их материальной истинности. Внутренне непротиворечивые знаковые конструкции (знанием, строго говоря не являющиеся, выступающие лишь «формой» знания) способны вступать в противоречия с объектами, не соответствовать природе вещей, нести иллюзии.

Уяснение недееспособности символического калькулирования «потенциально возможного» в знании придало гносеологии иной крен: минуя форму, апеллировать непосредственно к содержанию. Противовесом утрирования SF стало прямое обращение к SR (как панацее) в заявках наивного реализма и интуитивизма. Невзирая на разность оперативных методологий, обслуживающих принципиальную позицию («живая ассоциация» или «живое усмотрение»), существо ее вполне досконально передается тезисом Франка: «Те содержания, которые мы высказываем, не выдуманы и не свободно созданы нами. Мы убеждены, что они действительно лежат в самом предмете, и только это сознание превращает мысль в знание» [12, с. 25]. Неясности: что значит «убеждены», что значит «в самом предмете», снимались бы толкованием некой роли SF, чем, однако, интуитивизм (как и наивный реализм) не озабочивается. Фактически интуитивизм отказывается от разработки теории познания как теории мыследеятельностного процесса, подменяя процесс готовым результатом (по этой причине он не подпадает под случай «гиперболизация SR + гиперболизация SF, квалифицируемый вырожденным»). То, что роднит интуитивизм с наивным реализмом, – есть радикальная гиперболизация SR, получающим в мысли аподиктическую представительность: «Усмотрев необходимость какого-либо содержания, мы тем самым мыслим его независимым от нашего сознания, и эта независимость, это «бытие само по себе» и есть не что иное, как момент

необходимости, приписываемый данному содержанию; необходимости, демонстрирующей не более и не менее, как «связь его с самим бытием» [12, с. 14–15].

Постулативное кредо: данное в мысли как необходимое (пробегая непреднамеренность тотальных выдумок) есть объективно связанное с бытием, – натурально, разваливает гносеологическое рефлексирование. Отсюда вывод: разбор проблемного материала показывает – тематизация природы знания укладывается в полилемму, звеньями которой выступают: фикционализм (смещение баланса SR с SF в пользу SF); семиографизм (акцент формальных сторон SF); натурализм (акцент содержательной определенности SR с недооценкой SF – наивный реализм; акцент содержательной определенности SR с оценкой SF – интуитивизм); предметно-символический конструктивизм (настаивающий на активной роли SF, но не пренебрегающий SR).

Перспективный момент трансцендентализма – активистский пафос, обогащающий гносеологию темой продуктивности форм мышления – способа, которым душа воздействует на себя своей собственной деятельностью в результате спонтанных понятийных проработок. В нашей модели указанная капитальная тема получает развитие в языке символического автоморфизма.

Символизм – эмпиризм – априоризм

Дело сводится к следующему. С позиций антисхоластической методологии Нового времени – учения о новом органоне – наращивание содержательной компоненты знания связывается с опытным воздействием на природу эмпирическим испытанием, наведением, индуктивным принципом. Вовлечение опыта снимает довольно острую проблему предметных основ познания, но не только не проливает, но, пожалуй, рассеивает последний свет на проблему его формальных основ: индуктивная ассоцианистская техника не развертывает удовлетворительной схемы складывания всеобщности–необходимости категориального знания. Во–первых, индукция (нетривиальная, неполная) не позволяет логически строго вводить кванторные универсалии, получать номологические законосообразные выражения [2]. Во-вторых, по индуктивно–ассоцианистским методикам образуются не понятия (эссенциально общее, дистрибутивное целое), а квазипонятия (акцидентально общее, сходное, собирательное целое). Критериологию различения дистрибутивных и собирательных целостностей индуктивизм (ассоцианизм) не вырабатывает. Собирательные признаки установимы индуктивно, но они всегда неполны – не всеобщы и не необходимы.

Необходимость, всеобщность проистекает не из опыта, а из рационализации опыта (с применением принципа свертывания, абстракции изолирующей, отождествления). Как справедливо замечает Лейбниц, «индукция сама по себе ничего не производит... если к ней на помощь не приходят предположения, зависящие не от индукции, а от общего принципа» [11, с. 95].

Что это за принцип? Существо его проясняется представлением того, что индукция составляет «содержание», но не дает «всеобщности–необходимости»; дедукция составляет «форму» (всеобщность–необходимость), но не дает «нетривиальности». Задачу совместить одно с другим (всеобщность–необходимость с нетривиальностью), собственно, решает трансцендентализм (кантианство) учением о синтетическом a priori, – моделью продуктивных синтезов.

Серьезный изъян данной модели – фактическая вымышленность знания, творимого по неустановленным правилам воображения с неустановленным включением аффицирования.

Иной достойный разбора ее изъясн – трактовка существа предпосылок знания, к каковым относятся априорные формы чувственности (пространство и время) и рассудка (категории).

Кант ставит мысленный эксперимент: предположим пространство и время объективны, присущи вещам самим по себе, – в таком случае окажется, что существует множество априорных и аподиктических синтетических положений относительно их природы [6, с. 83]. Поскольку на этой стадии обоснования к какому-то точному заключению прийти нельзя, остается согласиться: допустим окажется, что их множество. Демонстрация продолжается: так как «положения геометрии можно познать синтетически a priori и с аподиктической достоверностью, то... откуда получаете вы такие положения и на чем основывается наш рассудок, чтобы прийти к таким безусловно необходимым и общезначимым истинам?» [6, с. 83]. Вопрос не риторический. По Канту, здесь нет иного пути, как через понятия или созерцания, данные или a priori, или a posteriori. Если a posteriori, то эмпирические понятия и фундирующие их созерцания окажутся опытно синтетическими, а значит, лишенными необходимой и абсолютной всеобщности, свойственной геометрии как теории. Методом исключения остается иная возможность: пространство и время – субъективные априорные формы – условия синтетических всеобщнеобходимых положений геометрии. В пределах обоснования сказанного получает простор хроногеометрическое атрибутивное: пространство объявляется бесконечным, трехмерным, кратчайшим расстоянием между двумя точками в котором является прямая [6, с. 67–68, с. 252]. Нетрудно видеть, что схематическим остовом такой атрибуции выступает заимствуемый из культуры евклидов вариант сценографии реальности, канонизируемый под видом априорноабсолютного. Запомним это.

Типологический прием «заимствование – канонизация» используется и при экспликации природы априорных форм рассудка. В основе опытного знания – понятия о предметах, делающих возможным опыт [6, с. 124]. На данном резоне они необходимо и априорно относятся к предметам опыта – только с их помощью можно мыслить предметы опыта вообще. Это – принципиально. А конкретно? Как с геометрией, фактический способ осмысления предметов рекрутируется из наличной когнитивной техники, – в нашем случае естествознания, – эвристические презумпции которого в лице механистической сценографии мира абсолютизируются и универсализируются. (Твердый и упорный прием «заимствование – канонизация» сопровождает хождение в лабиринтах синтетических основоположений чистого рассудка – аксиомы созерцания, антиципации восприятия, аналогии опыта, постулаты эмпирического мышления вообще, – представляющих краткий конспект ньютоновой картины действительности). Запомним и это.

Активная роль форм мышления, символических мыслительных форм сказывается в конструктивносинтетической способности мысли, самоиницируясь, выстраивать образысценарии реальности с задействованием продуктивного воображения. Как во всяком тонком деле, однако, здесь важно, не заходя в крайности, достичь выверенности, соблюсти реалистичность. Формы мышления, SF обладают мощнейшим синтетическим ресурсом автокаталитического когнитивного связывания: «Мы ничего не можем представить себе связанным в опыте, чего прежде не связали бы сами» [6, с. 127], – высказывает Кант. Данную максимум требуется понять правильно, принимая в расчет следующее:

1. Предпосылочность. Представление связанности – усматривание связи – в отношении к текущему познанию объекта вводится предварительно, «предварительно» в транскрипции не «априорно» (внеопытно), а предпосылочно (доопытно), – всякое наличное познание руко-

водится заранее выработанными идеями.

2. Автоморфичность. Источник связывания – символическая автокаталитическая способность, – посредством мыслительных автоморфных процессов разворачивается тематическое сценографирование предметности, категориальное конструирование мира. Когнитивная конструктивно–креативная связь приводит в мыслительно упорядоченное единство визуально данное многообразие.

3. Самодеятельность. Среди всех представлений «связь» есть «единственное, которое не дается объектом, а может быть создано только самим субъектом, ибо оно есть акт его самодеятельности» [6, с. 127].

Ключом к экспликации гносеологического существа форм мышления действительно служит триплекс понятий «предпосылочность – автоморфичность – самодеятельность». Странники их эксплуатации получают необходимый реквизит сочленения нетривиальности (в обход ассоцианистского индуктивизма) с аподиктичностью (в обход схоластического дедуктивизма), решая тем самым капитальную теоретико–познавательную проблему генеалогии нетривиального всеобщее–необходимого знания. Между тем «необходимый» реквизит не означает «достаточный». Остается упомянутый выше тонкий сюжет «вымышленности». Ведь если знание есть только плод конструктивно–креативной способности воображения, как оно может быть предметным, содержательным, гносеологически альтернативным маниакальному видению, домыслу, фантастическому предположению, наваждению?

Проблема демаркации двойственна – ожидает решения и в плоскости «форма», и в плоскости «содержание». В первой плоскости заявляется представляющий решение продуктивный синтез. А во второй? Отвечая навскидку, на стадии кантианства остается удовлетворяться трансцендентальным априоризмом. В подспудье, как мы запомнили, в качестве предпосылочной предметной универсалии Кант использует образ знания своего времени, превращая его в абсолютное внешнее условие всякого возможного знания (т.е. *sub specie aeternitatis*), что, как выяснилось, чревато несообразиями фоссилизации тех или иных далеко не общезначимых компонентов базисной теории евклидо–ньютоновой сценографии мира.

Поскольку преформизм такого рода в отношении познавательной техники неоправдан, напрашивается более органичный, вытекающий из самого духа нашего исследования ход, определяемый столь естественными шагами, как то:

– отказ от выстраивания теории познания в ракурсе *sub specie aeternitatis*; как всякая добротная теория она черпает опору не в абсолютных (в некоем доскональном смысле), а в относительных предпосылках;

– обращение к положительным историческим социально–культурным реалиям производства и удостоверения знания (всей продуктивной цепочки когнитивных актов от контекста открытия до контекста оправдания) сообразно возможностям времени.

Социально–темпоральный регулятив рассмотрения привносит в гносеологию искомый момент реализма.

Предпосылки когнитивных синтезов (основные выводы с примером)

Обсудим вопрос в наиболее прямой напряженной постановке: откуда заимствуются предпосылочные комплексы расширяющих когнитивных синтезов? Трансцендентализм указывает на априорную сферу, подкрепляя указание ссылкой на якобы абсолютную версию евклидовой хроногеометрии, представляющей всего лишь приближенный абстрактный об-

раз реального пространства. Если проводить априоризм последовательно и точно, следует фокусироваться не на простейшей реализованной возможности, а на некоем общем понятии логически мыслимой среды обретения потенциальных конструктивных возможностей. Однако такое понятие для каждой конкретной стадии познавательного опыта пребывало бы, как минимум, неполным, а как максимум, пустым (а priori предметным образом перебрать, зарезервировать многообразие потенциальных вариаций невозможно). Понимая это, Кант канонизирует наличную евклидову форму с элементарными пространственными отношениями: бесконечность, трехмерность, расстояние между двумя точками в виде прямой.

Содержательное расширение понятия пространства произошло в результате выстраивания гиперболического пространства и евклидова пространства любого числа измерений. Максимально общее понятие математического пространства выдвинуто Риманом, нашло дальнейшую детализацию в моделях функциональных пространств (Гильберт, Фреше, Рисс); полного нормированного пространства (Банах); векторного пространства; гильбертова пространства; топологического пространства; топологического векторного пространства.

Простейшие вариации пространственных многообразий с постоянной кривизной объединены римановым пространством (евклидово пространство, гиперболическое пространство Лобачевского, параболическое пространство Римана). Используя специальный язык, относительно гипертрофированной Кантом «универсально-априорной» евклидовой формы позволительно высказать так: евклидова форма возникает в малых областях риманова пространства с точностью до малых высшего порядка сопоставительно с размерами области.

С физической (космологической) точки зрения кривизна пространства задается параметром средней плотности космической материи $\rho_0 \approx 10^{-29}$ г/см³. Если плотность космической материи равна ρ_0 , реализуется евклидов вариант; кривизна пространства = 0; пространство бесконечно; кратчайшим расстоянием между двумя точками в нем будет прямая. Если плотность космической материи меньше ρ_0 , реализуется вариант Лобачевского (гиперболическая геометрия); кривизна пространства = -1; пространство бесконечно; кратчайшим расстоянием в нем между двумя точками будет не прямая, а геодезическая линия. Если плотность космической материи больше ρ_0 , реализуется вариант частной римановой геометрии (параболическая геометрия); кривизна пространства = +1; пространство конечно; кратчайшим расстоянием между двумя точками в нем будет геодезическая линия. «Геодезическая линия» – понятие, представляющее обобщение понятия прямой (отрезка прямой) на случай неевклидовых пространств, имеет вид спиральных, дугообразных, кругообразных, винтообразных кривых – кратчайших линий.

Коль скоро сказанное справедливо, трансцендентальный априоризм с набором предвзятых установок превращается в дереализующий предрассудок. Что остается? Ретардируя исходную постановку: откуда заимствуется содержательный абрис продуктивных ментальных синтезов? – остается утверждать – из фаций. Фация, отмечалось выше, – экстракт символического капитала с социальной, темпоральной, культурной определенностью (размерностью ядер значения), – абсорбирует:

– гипотезы существования, онтологические допущения – конкретные образы-сценарии действительности;

– формы мышления, представляющие не знания, а способности получать знания через продуктивные связывания (в категоризации, предикации, атрибуции).

Содержимое фации – гипотезы существования (Н-существования) вкупе с формами мышления – функционально выступают неким оксюмороном, вводящим субъективные условия объективной значимости; обслуживающим предпосылки не просто познавательного опыта (Кант сказал бы «опыта вообще»), а опыта исторически, социально, культурно сложенного.

В самом деле, Н-существования поставляют абстрактную схему устройства реальности – своеобразный компендий структуры Вселенной, миропонимания. Осмысленно говорить о целеориентации мыследеятельности, ее норморегулировании (введением диспозиций, санкций, условий действия). Обобщенно когитальное позиционирование сводится к очерчиванию ситуационной поощрительной и дискриминативной стимуляции порождающих актов, получающих социологическую и гносеологическую спецификацию.

Социологический план: консолидация общения на базе утилизации символического материала в межсубъективном обмене деятельностью, интернализация установок, интегрирование трактовок, значений, интерпретативных методик в технологиях самовоспроизводства сообщества, обеспечивающих единство когнитивных реакций (закрепление стимулов – повышение частоты фигур поведения), образы выражения реальности в «коллективных представлениях».

Гносеологический план: унификация, стереотипизация процедур предикации, атрибуции, категоризации за счет стандартной утилизации потенциала Н-существования, сопровождающих онтологизацию, объективацию абстракций.

Формы мышления озабочены исполнением своей прямой роли – связыванием. Мир складывается в знании из основополагающих идей. Характер его (складывания) многоотсечен.

Чувственность – правила приведения многогранного содержания перцептивного созерцания к образному единству. Ключевое значение здесь имеют когнитивные карты, схемы, модели – легализуемые фациями эвристические лоции, действующие в режиме синтезирующей спонтанности. В доньютоновой небесной механике узаконивались кинематические реконструкции движения светил по небесному своду с обязательностью круговых траекторий (докеплерова астрономия) – античный штамп присущности «эфирным телам» «совершенных» линий перемещения. Чувственное многообразие визуального материала в данном случае упорядочивалось организующими платформами

– Гиппарха – Птолемея (геоцентризм);

– Аристарха – Коперника (гелиоцентризм; в варианте Коперника, введившего мнимый центр, отстоящий от реального Солнца на $3/2e$ (экванта) – квазигелиоцентризм);

– Гераклида Понтийского – Тихо Браге (кентавризм, двоецентрие: центр планетной системы – Земля, Солнце обращается вокруг нее, планеты «солнечной системы» – вокруг Солнца).

Предконцептуализация – символизация материи знания; двоякое опосредствование – перевод перцепций в знаковую форму (семиотизация) с переводом знаковой в эйдетиическую форму (семантизация) [2].

Семиотизация конкретизируется актами

– номинация – введение имен, оформление терминизации (расширение тезауруса новацией «носорог»);

– сигнификация – «носорог» лексически связывается с циркулирующими в фации (определенная эпоха – социум, культура, историческое время) выразительными фигурами – гипонимами – «дракон», «единорог», позволяющими по признаку тропного связывания сочленять новый вид с традиционными родовыми общностями. Идет лексическая таксономизация

ция с опорой на логические родовидовые корреляции. (Лейбниц в проекте *Calculus ratiocinator* (исчисление рассуждений) полагал ограничиться данным этапом);

– семантизация – придание знаковым выражениям смысловой определенности, перевод знаково представленной предметности в форму мысли, идейного состояния, – задействование интерпретативного, экспликативного, тематизирующего ресурса – эйдетическое увязывание параметров вновь идентифицируемого «носорога» с известными «драконом» и «единорогом» с достижением смысловой и объектной идентификации.

Объектная идентификация – объективация, денотация, референция, – скачок из сферы мысли в сферу сущего через приписывание существования приписанному сущности – череда контракционных процедур

– атрибуция – приписывание свойств;

– предикация – встраивание в отношения;

– реификация – придание приписываемым свойствам, отношениям, признакам статуса вещественности.

Паушальный эффект – онтологизация – переход от идейно приписанных параметров к параметрам реальным, конституирование по предикатам – существования. Идет онтологическая таксономизация с опорой на абстракцию отождествления, принцип свертывания, гипостазис понятий.

Фация легализует носорога как помесь «дракона с единорогом»; то же самое она проделывает с «силой притяжения» (эвристическая эпопея Эмпедокла – Орема – кембриджских платоников – Гука – Ньютона); аналогичное – с носителем гравитации – гравитоном (повторимся: которому приписывается нулевая масса покоя, нулевой электрический заряд, спин 2). Возможно, пустые абстракции (что задним числом – с точностью до протекшего опыта – выяснено лишь относительно «дракона с единорогом») наделяются денотатом. (В скобках озаботимся: что обуславливает такого рода неразборчивость фаций. И в качестве дополняющего – почему в одних случаях они благоволят фикциям, а в других проявляют щепетильность (идиосинкразия к «левитации»?)

Концептуализация – выстраивание полноценного объемного сценария предметности со слоями, уровнями бытия, версификацией их становления, динамики, структуры, связи, – протекает как развертывание

– базисных теорий – формально-аксиоматические, хроногеометрические конструкции (в обществознании сопрягающиеся с доктринацией назначения человека и человечества, индивидуальным и родовым применением разума);

– категорологии – конституирующая роль концептов во введении понятий предметности (эйдетически связываются или не связываются разряды предметности – «носорог» с «драконом» и «единорогом»; на базе эйдетической селекции ревизуется активный выразительный фонд уровня лексико-семантических вариантов (ЛСВ); по принципу гипостазиса предикатов, принципу свертывания аккредитуется существование – «гравитон» узаконивается, «левитон» не узаконивается), выстраивании координации и субординации ее (предметности) компонентов (в зависимости от определенности толкования предикабилей «абсолютное – относительное», «возможное – действительное», «причина – следствие» и т.д. оформляются черты мироздания с онтологическими преднамеренностями, умышленностями «динамическое – статистическое» – крен в трактовке «закономерности»; «дальнодействие – близкодействие» – крен в трактовке «взаимодействия»; «силовое – несиловое» – крен

в трактовке «связности» и т.д.), рефлексировании атрибутики сущего (дихотомии «статизм – динамизм», «автономизм – холизм», «феноменологизм – эссенциализм» и т.д.). Категории – формы мысли, но в отношении к сущему приобретают ранг объективной значимости. Причина – причастность триплексу: предметно-содержательная предпосылочность, автоморфичность, самодеятельность – находящемуся под юрисдикцией фации и означающему все познавательные предприятия.

Только один пример. Классическая механика не проблематизирует момент «жесткости» твердых тел, руководствуясь презумпцией их «абсолютной жесткости». С позиций релятивистской механики подходить так к вопросу неосмысленно. Если стержень А–В достаточно длинный и абсолютно жесткий, передвижение конца А в то же мгновение повлечет передвижение конца В. СТО исключает такую возможность. Поскольку скорость передачи взаимодействия в пространстве не превышает «с», передвижение конца В должно отстоять на какую-то Δt от передвижения конца А; они не могут произойти одновременно. Следовательно, «благодаря сжимаемости (не абсолютной жесткости – В. И.) стержня движение передается по нему не мгновенно» [13, с. 70]. Казалось бы, элементарный феномен, а трактовка его фундируется рядом капитальных предпосылок; – не побоимся сказать: ценой символически конструируемой онтологии мира.

Эскиз осмысления многоотсечности связывания в диахроническом разрезе дополняется эскизом осмысления его многоотсечности в синхроническом разрезе. По крупному счету палитра обсуждаемых разнокалиберных, но одинаково важных познавательных действий, укладывается в триединство дескрипции (описывание), аскрипции (приписывание), прескрипции (предписывание), с функциональной точки зрения обладающими конститутивной и регулятивной значимостью. Единосушно *urbi et orbi* они несут правду: что такое мир, как он устроен, откуда возник, как дан в знании, – что переводит рассуждения из отрешенного модуса в «себе» в приземленный модус «для нас». Универсум из ракурса «вещь сама по себе» трансформируется в ракурс «явление», вовлеченное в конкретно историческое, социокультурное одействование с фациально структурированным диспозициональным полем (синтаксический, семантический, операциональный потенциал).

«Потенциально-возможное» (бытие само по себе) предстает для познания «реально-действительным» (в границах широко понятого «праксиса»), т.е. позитивно осваиваемым с точностью до разрешающих предпосылок. Определения потенциально возможного сущего становятся определениями (предметными областями) реально действительного сущего (через автокаталитический триплекс). В противном случае (в случае нетрансцендентности познания) они не подпадают под «объект» изучения. (С гносеологической точки зрения понятие потенциально возможных миров – с возможными типами объектов в них – вирулентно. Последнее проявляется в недоуточненности, размытости понятия.)

Требование объектности несет идею принципиальной различимости некоторого объекта во всевозможных дескрипциях, аскрипциях, прескрипциях – фиксациях его состояний в возможных мирах. Однако зачастую сделать это не удастся – не удастся снять проблему индивидуации, решая, какой объект в возможном мире соответствует индивиду из предметной области действительного мира (скажем, при оценке Великой теоремы Ферма). Получается прямо по Марксу: в познании «следует исходить именно из действительного субъекта и делать предметом своего рассмотрения его объективирование» [14, с. 244], можно сказать, курируемое фациями.

Фация как блок содержательного с ответственным аккумулирует системные императивы, категориальные присутствия, к которым сводятся, из которых выводятся, которыми вводятся предметные определения мысли (от объектов до действий с ними), отменяет отношение к субъекту как суверену, выстраивает отношение к нему как функции. Не культура пребывает атрибутом субъекта, напротив, – субъект пребывает атрибутом культуры. В такой инверсии – вся роль фаций.

Чтобы познавать, нужно иметь понятие, посредством которого предмет мыслится, т.е. связывается с равнодостоинными общностями, частями, слоями предметности. При стандартном эмпирическом базисе (B_E) направляющее понятие привносится извне (не из априорных форм, а из тезауруса) – очерчиванием круга свойств, отношений, соотношений с рядами реальности (в атрибуции, предикации, реификации). SF приписывают и предписывают явлениям признаки (часто безосновно); предмет с признаками становится в позиционное отношение к субъекту, оказывается его миропониманием. В константном B_E можно усмотреть «микс дракона с единорогом», а можно «семейство отряда непарнокопытных»; можно усмотреть «физическую энергию», а можно «божественную энергию – благодать»; можно усмотреть «разложение» (флогистонная теория горения Шталаля), а можно «соединение» (кислородная теория горения Лавуазье). С позиций *sub specie aeternitatis* вопрос приемлемости толкования решается «незаведомым» отнесением к SR. С позиций *sub specie temporatis* вопрос приемлемости толкования решается ситуационным отнесением к SF. «Объяснение явления природы, – напоминает Лауэ, – может состоять только в том, чтобы поставить его в связь с другими явлениями природы посредством известных законов» [15, с. 23]. Однако же постановка в связь, использование законов контекстуальны. Смотря правде в лицо, перефразируя Энгельса, правомерно сказать: науку нельзя ни делать, ни толковать так, как будто бы ее содержание валится с неба [16, с. 174].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ильин В. В. *Теория познания. Социальная эпистемология. Социология знания*. М.: Академический проект, 2014.
2. Ильин В. В. *Философия истории*. М., 2003.
3. Дикке Р. Влияние переменного во времени гравитационного взаимодействия на Солнечную систему // *Гравитация и относительность*. М., 1965.
4. Quine W. V. *On what there is. Rev. of Methaphysics*. 1948. V. 2.
5. Popper K. R. *Conjectures and Refutations*. London, 1963.
6. Кант И. *Критика чистого разума*. М., 2009.
7. Локк Д. *Избр. филос. произв.* М., 1960. Т. 1.
8. Беркли Д. *Три разговора между Гиласом и Филонусом*. М., 1937.
9. Ремке Й. О достоверности внешнего мира // *Новые идеи в философии*. 1913. Вып. 6.
10. Бозанкет Б. *Основания логики*. М., 1914.
11. Лейбниц Г. В. Соч. в 4 т. М., 1984. Т. 3.
12. Франк С. Л. *Предмет знания*. М.: Наука, 1995.
13. Мандельштам Л. И. *Лекции по колебаниям (1930–1932)*. М.: Наука, 1972. Т. IV.
14. Маркс К. Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е. Т. 1.
15. Лауэ М. *История физики*. М., 1956.
16. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. изд. 2-е. Т. 39.

Поступила в редакцию 12.11.2014 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2014.6.2

On the Nature of Symbolical Objectification: the Character of Constituting the Ontology in Knowledge

© V. V. Ilin

*Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy n. a. K. A. Timiryazev
49 Timiryazevskaya St., 127550 Moscow, Russia.*

Phone: +7 (499) 976 36 92.

Email: vvilin@yandex.ru

Article is devoted to the social legitimation of knowledge. We study the contexts of implantation of knowledge products into the body of culture. The author proceeds from the need to study the process of objectification symbolic of object by applying the category of “facies”, the introduction and justification of which on content and formal level were realized by the author in previous works. Such issues as the following are discussed in the article: the main stages of objectification, cognitions, different worlds in science in the trend of unfolding cognitions, the basic principles of object-symbolic interpretation of the nature of knowledge. The author explores these questions by analyzing the basic epistemological trends that can be seen in the works of the greatest philosophers of both modern and recent times, globalizing the principle of a system approach on the basis of its synthesis with the elements of synergetics and semiotics. The author devotes a great place to criticism of Kant's transcendental apriorism, revealing, however, its positive potential and determining its promising vector beating literally in the essence of contemporary cognitive science. Author takes on orbit of its original methodology conclusions of not only natural sciences and mathematics, but also poetic insights that allows creating of pulsating and at the same time quite certain interdisciplinary context. The main conclusions regarding the content of prerequisites of cognitive synthesis included in the final paragraph of article and are accompanied by convincing examples of modern physics.

Keywords: *hypotheses of being, forms of knowledge, the problem of demarcation, cognitive synthesis, transcendental idealism, a priori, facies, symbolism, automorphism, relativistic mechanics.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Ilin V. V. On the Nature of Symbolical Objectification: the Character of Constituting the Ontology in Knowledge // *Liberal Arts in Russia*. 2014. Vol. 3. No. 6. Pp. 425–442.

REFERENCES

1. Il'in V. V. *Teoriya poznaniya. Sotsial'naya epistemologiya. Sotsiologiya znaniya*. Moscow: Akademicheskii proekt, 2014.
2. Il'in V. V. *Filosofiya istorii*. M., 2003.
3. Dikke R. *Gravitatsiya i otnositel'nost'*. M., 1965.
4. Quine W. V. *On what there is. Rev. of Methaphysics*. 1948. Vol. 2.
5. Popper K. R. *Conjectures and Refutations*. London, 1963.
6. Kant I. *Kritika chistogo razuma*. M., 2009.
7. Lokk D. *Izbr. filos. proizv.* M., 1960. Vol. 1.
8. Berkli D. *Tri razgovora mezhdu Gilasom i Filonusom*. M., 1937.
9. Remke I. *Novye idei v filosofii*. 1913. No. 6.
10. Bozanket B. *Osnovaniya logiki*. M., 1914.
11. Leibnits G. V. *Soch. v 4 t.* M., 1984. Vol. 3.
12. Frank S. L. *Predmet znaniya*. Moscow: Nauka, 1995.
13. Mandel'shtam L. I. *Lektsii po kolebaniyam (1930–1932)*. Moscow: Nauka, 1972. T. IV.
14. Marx K. Engel's F. *Soch. izd. 2-e.* Vol. 1.
15. Laue M. *Istoriya fiziki*. M., 1956.
16. Marx K., Engel's F. *Soch. izd. 2-e.* Vol. 39.

Received 12.11.2014.